

В.В. Бочаров

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ КРЕСТЬЯН*

В правовой культуре России большую роль играют «неписанные законы» («теневое право»), которые реально регулируют поведение членов социума. Эти «законы» зачастую противоречат государственным законам, образуя феномен, который получил название «правового нигилизма». Причина этого явления состоит в том, что российское законодательство заимствует правовые нормы из западных правовых кодексов, которые не соответствуют представлениям о «справедливости», сложившимся в русской правовой культуре. Это прежде всего касается отношений собственности, т. к. на протяжении советского периода института частной собственности в России не существовало. В 2001 г. после ожесточенных дискуссий в российском обществе был принят земельный кодекс РФ, который предусматривал введение частной собственности на землю. Многолюдные демонстрации проходили у здания Государственной Думы. На транспарантах демонстрантов было написано «Продавать землю это одно и то же, что продать родную мать». В статье рассматривается процесс воспроизводства обычно-правовых представлений в ментальности современного крестьянства, выявленный во время проведения кадастровых работ в Ленинградской области (2003). Во время споров о владении землей акторы прибегали к аргументации, свойственной крестьянству в дореволюционный период (что следует из материалов этнографических исследований тех лет). Более того, к тем же аргументам прибегали чиновники, выступавшие в качестве арбитров, игнорируя, по сути, новый Земельный кодекс РФ.

Ключевые слова: антропология права, обычное право, собственность, земельная собственность, современное крестьянство.

Представление о собственности как об отношении людей к вещам претерпело кардинальные изменения при переходе от традиционного общества к индустриальному. Прежде большинство вещей находились в коллективной соб-

---

* Статья написана при поддержке РНФ №14-18-02785.

Бочаров Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (victana2007@rambler.ru)

Bocharov Victor — doctor of History, professor of Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (victana2007@rambler.ru)

ственности, что закреплялось в обычном праве, нарушение которого влекло за собой общественные санкции. Это объясняется тем, что индивид практически не обладал субъективностью, а поэтому собственником мог выступать только коллектив. Тем не менее, и в традиционном обществе индивид обладал правом собственности по отношению к некоторым вещам. Оно базировалось на определенном типе сознания, так называемом магическом мышлении, рассматривавшем вещь как одну из ипостасей самой индивидуальности (подробнее см.: Бочаров 2004).

Развивающиеся государства, стремясь к экономическому прогрессу, уповают прежде всего на институт собственности (частной), который продемонстрировал свою эффективность в создании общественного богатства в странах Запада. Однако, принимая соответствующие законы, реформаторы зачастую сталкиваются с их отторжением населением, которое остается субъектом обычно-правовых отношений. В первую очередь это касается вопросов землепользования. Практически во всех традиционных культурах земля почитается как сакральный объект, тесно связанный с базовой идеологией традиционного общества — культом предков, а поэтому право ее продажи, предполагаемое институтом частной собственности, воспринимается основной массой населения как святотатство. Принятие соответствующего законодательства Государственной Думой РФ, как помним, сопровождалось мощным накалом страстей, в котором именно это право продажи приравнивалось оппозицией «к продаже матери-Родины» (Бочаров, Рябикин 2005: 149–170).

В данной статье представлены материалы, свидетельствующие об удержании сознанием современного русского крестьянства обычно-правовых представлений, связанных с собственностью на землю. Данные представления, которые фиксировались отечественными исследователями еще в XIX в., как увидим, не являются просто «пережитками», а активно используются сельчанами в повседневной жизни при решении земельных вопросов. Нормы обычного права конкурируют с новыми законами, неизменно «выигрывая» у них, когда те откровенно противостоят укорененным в культуре представлениям о справедливости.

Материал преимущественно собирался моим аспирантом А.И. Рябикиным в 2002–2003 гг., т. е. после принятия нового «Земельного кодекса РФ» в 2001 г. (Бочаров, Рябикин 2005; Бочаров, Рябикин 2013). Работая в качестве члена кадастровой комиссии в ряде районов Ленинградской области, он фиксировал споры между крестьянами по поводу владения земельными наделами, в ходе которых со всей очевидностью и обнаруживался конфликт правовых культур, основанных на разных представлениях о собственности на землю.

Бог как собственник земли

Данное представление берет истоки в язычестве, когда земля ассоциировалась с плодородием «матери», обеспечивающей жизнь человеческим коллективам (Кознова 2001: 668). С принятием христианства ее стали считать «даром Божиим», который любой труженик имел право взять в обработку. Свобода же распоряжения признавалась только за царем — наместником Бога на земле.

Сакральность земли закреплялась также обрядами, в которых она, например, выступала арбитром в территориальных спорах (Антипов 1906: 129). Точнее, судил ее реальный собственник — Бог, «мать же сыра земля», как представлялось, выражала его волю (Соколов 1887: 17). Словом, налицо тесное переплетение язычества и христианства.

Пустующую и невозделанную, т. е. «божью землю» можно было свободно занимать, что имело в России широкое распространение, захват же возделанной земли — преступление (Ефименко 1884: 255).

Современная ментальность удерживает данный обычно-правовой пласт, мотивирующий захват земли вопреки законодательству, например: *«Устал ждать помощи от государства. Подумал как-то: а чего я буду перед кем-то колени гнуть? Нашел в лесу полянку и в течение лета поставил там дом, сарай для скотины, огородил постройки забором. Сейчас у меня сорок коз, полсотни кур, овцы, поросята... Понимаю, что не законно... В лесхозе знают про мою заимку. Лес на дом я выписал. Пока не трогают. А дальше — посмотрим»* (Арцибашев 2002).

Представления о «божьей земле» как о живом существе, страдающем от пагубных деяний человека, можно наблюдать в реакции крестьян на факт выделения местной администрацией земли для беженцев с Северного Кавказа: *«Делят всё землю бедную, как будто бы им Бог место не дал, где жить»*. На вопрос же, как вы относитесь к новому соседству, отвечали: *«Земля ведь Богом для всех дана, пускай живут»* (пос. Кобралово, Гатчинский район Ленинградской области).

Случалось наблюдать, что люди, пытаясь доказать свою правоту в земельных конфликтах, призывали в свидетели Бога как хозяина земли. Одна из сторон утверждала, например: *«Эта земля принадлежит мне по правде Божьей»*. Основанием же для возникновения прав выступала первоначальная обработка участка родителями: *«Сразу после войны мой отец приехал сюда, участка у дома не было. Сколько он в совхозе просил, чтобы ему дали кусок земли. Сказали, что где найдешь свободный участок, то там можешь и огород разбивать. Вот он этот никому не нужный ров и сровнял. Потом приезжал главный агроном, сказал, что этот участок мы тебе оформим в аренду»* (д. Пижма, Гатчинский район Ленинградской области). Спор продолжался в течение получаса, при этом никто даже не попытался апеллировать к официальным документам, где должны были фиксироваться границы и площади смежных участков, что позволило бы однозначно определить владельца в соответствии с писанным законом.

Заметим, что представления о земле как о сакральном живом существе довольно часто всплывают в обыденном дискурсе: «земля-кормилица», «земля-матушка», «святая земля». Они же активно использовались депутатами Государственной думы в дискуссиях в связи с принятием «Земельного кодекса РФ» (2001 г.), причем как теми, кто поддерживал введение института частной собственности, так и его противниками. Политические партии, прежде всего левого толка, прибегали к ним для политической мобилизации населения (Бочаров, Рябикин 2005).

Труд как основание прав собственности на землю

В русской обычно-правовой культуре основанием собственнических прав является вложенный в землю труд. Данное право зиждется на магическом мышлении, свойственном традиционным культурам, которое ассоциирует человека с вещью, в результате чего последняя рассматривается как бы продолжением телесности первого, выступая в качестве одной из ипостасей самого индивида (Бочаров 2004). Таким образом, возделанная индивидом земля воспринималась в качестве его собственности, что отчетливо фиксировалось исследователями XIX в. (Ефименко 1884: 255).

Сегодня подобная интерпретация прав также довольно отчетливо прослеживается. В упомянутом уже конфликте в д. Пижма одна из сторон ссылалась на то, что некогда спорный участок земли принадлежал ее родителям, т. к. они вложили свой труд в его обработку: *«Вы хоть знаете, каких трудов им это стоило, и вы после всего говорите, что он ваш»*. Учитывая, что в обычно-правовой ментальности индивид является практически неотделимым от родственного коллектива, то ссылка на родителей означает, по сути, утверждение собственных прав. Примечательно, что и позиция противной стороны мотивировалась теми же аргументами. Оказалось, что после того как родители умерли, участок некоторое время был в запустении и поэтому стал разрабатываться нынешними претендентами.

Конфликт, основанный на различном понимании прав сторонами, имел место и в одном из районов Орловской области. Председатель местной сельскохозяйственной артели претендовала на лучший земельный участок на том основании, что прежде его обрабатывала. Как рассказала чиновница райкомзема: *«В этом году возникает такая ситуация, что Даруева не хочет уходить с этого участка. Поскольку она обрабатывает его три года, исправно платит налоги»*. Примечательна реакция автора публикации, которая ярко иллюстрирует конфликт между писаным законом и «железной» логикой обычного права: *«Вот поворот, читатель! Представьте себе ситуацию: у вас украли, скажем, корову, исправно доят ее три года, а потом этот факт предьявляется как основание права владеть этой коровой. Абсурд?»* (Павлова 2002).

Встречались случаи, когда, унаследовав участок в соответствии с законом, собственники уезжали на длительный срок. Угодья же занимались соседями. Иногда «захватчикам» удавалось за время отсутствия хозяев документально закрепить свои права на чужую землю. Например, в одном из инцидентов они так мотивировали свое право на незаконно занятую землю: *«Что же земле зазря пустовать? Все равно хозяев нет, а тут заявляются, и отдавай им потом. Было бы тут такое же захолустье, так бы и не спрашивали»*.

Данный обычно-правовой пласт проявился также в связи с передачей права наследования земли. Так, в разговоре с чиновником по поводу оформления завещания на участок и дом в пользу одного из сыновей отец так объяснял свое решение: *«У меня вот два сына. Старший все где-то в Питере живет, совсем не приезжает, забыл про нас. А мы, вот, с младшим, все чего-то делаем. В прошлом году пять тонн картошки продали, все он мне помогает. А старший-то хочет жить хорошо и ничего не делать. Сейчас силы уже не те,*

случись чего со мной, так земля должна поровну поделиться между ними? Пусть старший “обломается”, лентяй он, земля должна принадлежать тому, кто на ней работает».

Давность владения землей

Другим аргументом в пользу собственности как видно из наших материалов, является давность владения. Это объясняется свойством человеческой культуры, в соответствии с которым «прошлое» наделяется сакральными характеристиками (Бочаров 2006: 225–238). Корреляция между давностью владения и правами собственности изучалась русскими исследователями «юридического быта». В частности, крестьяне во время земельных переделов всегда стремились заполучить прежние наделы, апеллируя к тому, что земля обрабатывалась ими в прошлом (Революция права 1928: 67–68).

Сегодняшний «передел», связанный с приватизацией земли, предполагавшей, в частности, ее выкуп членами садоводств, реанимировал обычно-правовое сознание. Председатель одного из них (массив «Мшинская», Лужский район Ленинградской области) рассуждал в связи с этим: *«Наше садоводство расположено на землях, которые являются сельскохозяйственными, но какие это сельскохозяйственные земли были тогда, когда мы получали участки для садоводства, здесь были сплошные болота, многие люди сделали здесь такое, что уму непостижимо, для улучшения земли. Теперь нас могут заставить выкупать свои участки. Что там? Правители с ума посходили? У нас восемьдесят процентов садоводов пенсионеры. Что? Они теперь должны будут выкупать свои же участки?»*. По его логике, участки и так принадлежат членам садоводства, т. к. они давно на них работают, успев стать пенсионерами и улучшив землю так, что «уму непостижимо», а поэтому ее выкуп, предусмотренный законодательством, расценивается как противоправное действие.

Современная земельная реформа, таким образом, породила множество конфликтов между обычно-правовой ментальностью, которой акторы руководствуются в повседневной жизни, и писаными законами. Член правления садоводства (садоводство «Пламя», массив «Учхоз», Гатчинский район Ленинградской области) рассказывает: *«Садоводство организовалось пятнадцать лет назад. Это было очень давно, с тех пор у нас в садоводстве многое переменялось. Сейчас в садоводстве находится девятьсот пятьдесят участков, примерно двести пятьдесят из них заброшены. Этих хозяев невозможно найти никакими способами, а садоводству приходится платить налоги за эти участки. Многие садоводы теперь хотят претендовать на эти участки, и они уже много лет назад прирезали эти пустые участки к своим с разрешения правления садоводства. Они платят исправно за них земельный налог. В результате их фактический участок составляет двенадцать соток и более соток. Проблема теперь в другом. Эти садоводы теперь не могут оформить собственность на всю эту площадь, по причине того, что второй участок приватизирован! Но хозяев его не найти. А налогов и взносов они не платят. На правлении садоводства мы приняли решение изъять эти участки, но теперь, как видно, этого сделать не получится. И вот, скажите теперь, как нам объяснить всю эту ситуацию садоводам. Они ведь нас не поймут. Раньше у нас*

было все просто. Если садовод продавал свой участок, мы просто переписывали садоводческие книжки, но что делать сейчас, не знаю».

Мы видим, что правление в прошлом, исходя из обычного права, разрешало «захватывать» участки, принадлежавшие другим собственникам, да и сейчас считает это справедливым. Но это вступило в противоречия с принятым законом о приватизации земли, по которому, естественно, земля, принадлежащая собственнику, не может быть приватизирована никем другим. Это же с обычно-правовой точки зрения отнюдь не является очевидным. Обыденное правосознание, по сути, не принимает логику официального закона, а поэтому член правления уверен, что его садоводы «не поймут».

В том же садоводстве сложилась ситуация, которая иллюстрирует данное «непонимание» в действии. Один из членов, решив присоединить к себе «заброшенный» участок, сделала это с согласия правления садоводства. Однако при регистрации в землеустроительной организации выяснилось, что надел уже приватизирован. Обнаружился и хозяин, который обвинил правление садоводства в самоуправстве. Среди прочих прозвучал аргумент: *«Этот участок принадлежит только мне, ни садоводству, ни правлению. Я здесь пятнадцать лет назад сам поднимал это садоводство, прорубал просеки, покупал машины с щербнем, с песком, делал дороги, по которым вы сейчас ездите. Вы здесь сейчас многие покупали себе участков и сидите. Я же все это своим трудом делал, и кто вам здесь давал право лишать меня своего законного участка».* Аргументы же предполагавшейся хозяйки были следующие: *«Вы сюда уже давно дорогу забыли, членских взносов не платите. За вас садоводы все делают. Я же за Ваш участок уплатила всю задолженность по земельному налогу. Я на нем уже третий год картошку сажаю, мне правление официально разрешило. Я его разработала, а теперь, что? Я должна его просто Вам отдать? Это мой участок!».* Мы видим, как обе стороны апеллируют к обычному праву, хотя реальному хозяину, казалось бы, в «эпоху торжества права» достаточно было сослаться на юридический документ. Но он, видимо, отдает себе отчет, что в таком случае «его не поймут».

Интересно, что и органы местного самоуправления, как выяснилось, могут выносить решения, исходя из обычно-правовых представлений. Приведем текст решения Исполнительного комитета Пудостьского сельского Совета народных депутатов (Гатчинский район Ленинградской области) о закреплении земельного участка: *«Рассмотрев заявление гр. П.М.Ф. проживающей по адресу ... , с просьбой закрепить земельный приусадебный участок в пос. Мыза-Ивановка на 4-ой тяговой подстанции и учитывая, что пользуется земельным участком более 15 лет, работает на подстанции электромехаником, Исполнительный комитет Пудостьского сельского Совета народных депутатов решил: Закрепить земельный приусадебный участок в размере 0.12 га в пос. Мыза-Ивановка на 4-ой тяговой подстанции за гр. П.М.Ф.».*

Сегодня законодатель прописывает возможность продажи бывших государственных земель лицам, которым ранее они были отданы безвозмездно, но при условии, что люди вкладывали в нее свой труд. Таким образом, государство признает за индивидом его права, основанные на обычаях. Об этом говорил депутат И.Д. Грачев во время второго чтения «Земельного кодекса РФ»:

«Действительно существуют ситуации.... Например, когда хотят купить землю крестьяне, уже работающие на ней, мы не считаем целесообразным отдавать им по полной рыночной стоимости эту землю» (Государственная дума 2001: б. 113, с. 38). По существующей сегодня практике, местные администрации передают земельные участки физическим лицам на срок в несколько лет, по истечении которого наделы можно оформить в собственность.

Примеров, когда за лицом, занявшим землю на незаконных основаниях, признавались права собственника, в ходе полевого исследования встречалось немало. С введением института частной собственности некоторые волостные администрации пошли на обязательную приватизацию земель. Стали создавать дежурные кадастровые планы деревень и сразу же столкнулись с серьезными трудностями. В частности, при межевании земельных участков выяснялось, что границы, которые сложились на протяжении многих лет, не соответствовали документам. Один человек, например, на протяжении долгого времени занимал часть территории своего соседа, считая себя хозяином этой земли. Однако во время кадастровой съемки сосед предъявил претензии на этот участок. Съемка плана шла по факту наличия границы между участками, однако документально подтвержденная межа отсутствовала. В то же время на «захваченной» территории уже находились не только возделываемые земли, но и сады с постройками. Выход был найден. Границей при межевании стала обрабатываемая и занимаемая постройками земля «захватчика». Таким образом, комиссия признала право человека на занятую и возделываемую им землю, оставив за «потерпевшей» стороной возможность доказать свою правоту в судебном порядке.

Неспособность властных органов реально повлиять на проблему межевания приводит к серьезным нарушениям градостроительного планирования территорий. Например, согласно утвержденному генеральному плану поселения, граница одного земельного участка в большинстве случаев должна иметь только четыре поворотные точки. На практике, земельный участок площадью в двадцать соток на сегодняшний день может иметь их до двух десятков. Градостроительные нарушения влекут серьезные последствия, которые возникают у собственников земель. Например, в деревне Марьино (Гатчинский район Ленинградской области) хозяйка земельного участка начала судебное разбирательство по причине того, что сосед, по ее мнению, захватил часть ее территории. Проблема заключалась в том, что до 1999 г. никто из соседей не имел проекта границ земельного участка, а сами участки не были определены на местности. Первым проект границ сделал сосед и вписал в свой участок часть прилегающего соседского огорода. После землеустроительных работ проект границ стал формальным основанием для установления права собственности соседа на занятую землю. Наша хозяйка так описывала ситуацию: *«Он настоящий вор. Он не имеет ничего святого. Он украл у меня землю. Просто взял и украл. Эта часть участка всегда была моей. Я двадцать лет сажала огород на этом месте, а теперь, только потому, что он сделал раньше документы на свой участок, я должна лишиться того, что мне принадлежит с самого начала»*.

Разработанная же в советский период градостроительная документация практически не используется местными органами власти, хотя именно она

имеет законную силу. Поэтому владельцы вынуждены сами решать вопросы по межеванию участков на основе обычного права. Трудности при составлении кадастрового плана земельного участка возникают и при отказе собственника от территорий. При определении границ между участками нередко между соседскими землями проходит межа, ширина которой бывает до нескольких метров. Причины их возникновения самые различные. Это может быть удобно для обработки земли трактором, межа также может быть местом свалки бытовых отходов, которую организуют соседи, хотя, согласно официальному документу, межей не существовало. Когда пытаются распределить эту землю между соседями, то нередко никто не хочет делить «ничейные» межи, т. к. своими считают лишь земли, которые возделывают. Люди обычно заявляли: *«Этой земли вы нам не приписывайте, она нам не нужна и мы на ней ничего не делаем».*

Право первого

Обычно-правовой аспект земельной собственности включает в себя и так называемое право первого, которое отчетливо фиксируется в нашей повседневности. Суть его в том, что тот, кто первым завладел вещью или захватил участок (территорию), признавался обычно-правовым сознанием их собственником (Бочаров 2004). Это, в частности, касалось владения сенокосами. В конце 1980-х — начале 1990 гг., с началом продовольственного кризиса, увеличилось число желающих заняться своим подсобным хозяйством, включая скотоводство. До этого владельцы скота в г. Гатчина имели покосы в гатчинском лесопарке, частный сектор, который выращивал скот, был невелик, и площадей для покоса хватало всем. Теперь же стали возникать конфликты между людьми, окашивавшими землю в течение многих лет, и заново пришедшими. Отметим, что ни те, ни другие не имели официального разрешения из лесничества на проведение покоса. Чаще всего ситуация разрешалась в пользу прежних владельцев. В процессе спонтанных «судебных разбирательств» в свидетели призывались знакомые с соседних делянок. Только после устранения разногласий заинтересованные стороны шли получать разрешения в лесничестве. В дальнейшем, когда стали осваиваться новые покосы глубоко в лесу, за первопришедшими признавалось право на земельный участок, и его более никто не занимал. При этом никто не требовал от косарей показать официальное разрешение. Достаточно было сказать другому претенденту, что: *«в прошлом году я здесь косил»*, и вопрос о распределении покоса закрывался.

«Самозахват» как в царское время, согласно историческим источникам, так и сейчас — наиболее распространенный способ приобретения земли крестьянами. Сегодня местная власть на это «закрывает глаза», становясь, таким образом, субъектом обычно-правовых отношений. Так, в 2000 г. при землеустроительных работах (Гатчинский район Ленинградской области) комиссия столкнулась с проблемой масштабных «самозахватов» волостных земель. Один из жителей деревни Пижма решил оформить в собственность участок площадью 47 соток. Однако реальная площадь надела, заявленная по документам, составляла 12 соток. Он предложил разрешить ситуацию следующим образом: *«Вы просто возьмите и пропишите мне столько, сколько должно быть по докумен-*

там. Если и будут какие-либо проблемы, то лишь с землеустроителем, но я с ним уже практически договорился. Соседи у меня сами в такой же ситуации, земли у них не меньше, но мы ей давно пользуемся, у нас нет никаких проблем ни друг с другом, ни с администрацией, там уже все в курсе и вроде бы закрывают глаза. А мы на этой земле в основном коров пасем или сено косим с тех пор, как себя помним. Значит, это наша земля».

Хозяйка дома в поселке Сиверский (Гатчинский район Ленинградской области) подала в суд на своего соседа, который захватил часть участка. Свои действия сосед аргументировал тем, что он раньше женщины стал использовать эту землю: *«У меня здесь смородина всегда росла, а вы эту половину купили только четыре года назад».*

Сегодня отношение сельчан к земельной собственности дифференцировано. К крупной — отношение негативное. К ней относят (из бесед с землевладельцами) надел от пятидесяти соток. Современное законодательство породило теневой рынок земли, в результате во многих регионах огромные площади оказались в руках отдельных физических или юридических лиц. Подобное отношение к крупной собственности опять же мотивировано обычно-правовой ментальностью, которая признает собственником земли только человека, который непосредственно ее возделывает.

Средние размеры сельского подворья редко превышают тридцать соток. Если кто-то желает взять в аренду или купить землю, то он рискует вызвать враждебность окружения. Зачастую это относится к фермерам. На работу к ним нанимаются, как правило, малообразованные люди, преимущественно знакомые или соседи. Невысокая заработная плата тратится в основном на приобретение алкоголя. Свое положение работники оценивают как плохое, обвиняя в этом своих работодателей: *«Понабрали себе земли, а мне ничего не остается как у него [фермера] работать. Я вожусь целый день, как лошадь, а денег только на бутылку и хватает. Что будет, если всем столько земли раздадут? Всю жизнь так и будем на них работать».*

В начале процесса приватизации сельскохозяйственные угодья делились на доли. Земля пожилых «дольщиков» перешла наследникам, которые зачастую не стремились заниматься земледелием. Поэтому они продавали свои права третьим лицам, нередко горожанам, не имевшим отношения к сельскому хозяйству, но требовавшим свою долю натуроплаты за паи. Для крестьян же, работающих на земле, такая ситуация абсолютно непонятна. Как выразился тракторист одного из совхозов в Псковской области: *«Приезжает какой-то “хмырь”, которого первый раз видим, и требует свою долю».*

Вот еще типичный пример конфликта различных правовых культур. Один из совхозов Гатчинского района Ленинградской области был переделан в акционерное общество, что привело к сосредоточению земель площадью в 1500 га в одних руках. Формально члены бывшего совхоза являются пайщиками (собственниками) всей этой площади, но по факту распоряжаться ею не могут. На момент проведения исследования данное АО прекратило свое существование по причине требования пайщиков выдела их доли. Пайщики так комментируют свое решение: *«Нам надоело получать заработную плату по две-три тысячи».*

Сегодня директор купил себе квартиру в Гатчине, каждый день приезжает в контору на джипе, и это только потому, что у него основной пакет акций, но земля у него нет. Земля принадлежит нам. Сейчас мы просто получим свои паи и организуемся согласно реальной земельной доле каждого члена».

К конфликту правовых культур привел и закон о приватизации земли, по которому землей наделялись только члены колхоза, а те, кто уже уволился или вышел на пенсию, не получили ничего, хотя десятки лет работали на этой земле. Иными словами, люди, являясь собственниками по обычному праву, остались без земли по закону, а «хмыри» (с точки зрения крестьян) получили крупные паи. Депутат Государственной думы А.С. Куликов при обсуждении проекта Земельного кодекса РФ отрицательно оценил закон, встав, по сути, на позиции обычного права: *«Что сейчас происходит: человек, проработавший с 1990 по 1992 год в колхозе, получил пай, а в 1993 году уехал на Дальний Восток, и сегодня ему туда отправляют вознаграждение по результатам работы. А те, кто по тридцать лет отработал, не имеют этого»* (Государственная Дума...2001: б. 101, 32).

Положение подчас усугублялось тем, что фермеры, используя законодательство, стали вступать в колхозы, чтобы вскоре выйти из них, но уже с землей. Они же, пользуясь юридической безграмотностью сельчан, скупали их паи по дешевке, становясь крупными землевладельцами. На каком-то этапе сельчане почувствовали себя ограбленными, а СМИ стали сообщать об имевших место самосудах над фермерами. Об одном таком случае поведала информантка (д. Люболяды, Батецкий район Новгородской области): *«Я не знаю, что там произошло, но говорят, что его [фермера] землю хотели отобрать, кто, не знаю, наверное, свои же [сельчане]. Он в свое время у них земельные паи выкупил, а они остались ни с чем, вот и решили так вернуть. А фермер утонул, но, говорят, что его убили, потому что когда вытащили тело, на нем вроде были побои».*

Коллектив как земельный собственник

Легитимным земельным собственником в русской обычно-правовой культуре является также коллектив. Это право неотъемлемо от индивидуального права, описанного выше, т. к. в традиционных культурах индивид тесно ассоциировался с определенной родственной группой. Основной производственной единицей являлся коллектив близких родственников или семья. Коллективным землепользователем была община, для которой земля была общим достоянием. Она отчуждалась от отдельного индивида, если претензии на какие-либо наделы шли вразрез с интересами общины. На поздних этапах существования крестьянской поземельной общины произошло переориентирование от коллективно-общинной к коллективно-семейной форме земельной собственности. Собственником считался фактический распорядитель земли — отец (*большак*). Однако он в своих решениях не мог не принимать во внимание настроения других членов семьи. И если он злоупотреблял своей властью в ущерб общим интересам, то за семьей сохранялось право отменить решение отца (Чарушин 1916: 413).

Послереволюционные преобразования в деревне опять сместили вектор развития земельно-собственнических представлений к коллективно-общин-

ной форме. Коллективизация во многом воспроизводила опыт общинно-крепостного землевладения, а «колхозный строй длительное время воспринимался самими колхозниками как “новое крепостное право”» (Кознова 2001: 672). Словом, реформирование земельных отношений в СССР во многом зиждилось на русской обычно-правовой культуре.

Беседы с крестьянами старшего поколения перед принятием «Земельного кодекса» показали, что они не понимали проблемы земельной собственности. Общение с крестьянами проходило в связи с оформлением документов на участки по поводу наследования, купли-продажи и прочих сделок с землей. Приходилось многократно объяснять, что подобные операции невозможны вне существования института частной собственности на землю, и только после этого они соглашались с необходимостью введения данного института. При этом говорилось: *«Эта земля и так наша, мы на ней живем и работаем, а для чего нужна эта приватизация, мы не знаем. А продавать, то пускай продают. Значит, кому-то нужна»*. Относительно колхозной земли рассуждали так: *«Если кому-то нужно, то пусть покупает, лишь бы другим плохо не было, мы бы и сами купили, если лет на двадцать помоложе были, да нет ни денег, ни здоровья»*. В Шимском районе Новгородской области один пенсионер по поводу продажи колхозной земли заметил: *«Мне без разницы, чья земля это будет, главное, деньги бы платили. Сейчас сыну в колхозе зарплату не платят. Так чего ж хорошего в этом колхозе?»*.

На смену колхозам пришли акционерные общества, общественные производственные хозяйства, общества с ограниченной ответственностью (АО, ОПХ, ТОО) и т. п., которые по существу мало чем отличаются от бывших колхозов. Реальных же изменений форм земельной собственности и хозяйствования не произошло. Из наблюдений следовало, что бывшие колхозники не стремились выходить из колхозов. Среди фермеров же чаще всего обнаруживаются отставные военные, милиционеры, токари, художники, но не колхозники.

Одна из причин — политика директоров, которые зачастую чинили препятствия желающим выходить из предприятия со своим земельным паем. Например, претенденту на фермерство отводилась земля, непригодная для какой-либо сельскохозяйственной деятельности. Бывший колхозник пересказал свой разговор с директором АО: *«Ты мне так всю отчетность портишь. У меня всего только триста гектар пашни. А если вы все ко мне завтра прибежите и станете требовать свои паи? С чем люди работать будут, если вы все нормальные земли разберете. Давай так и работай, как работалось, я тебе, чем надо, помогу»*.

Сельчане, продолжая числиться в колхозе, имеют необходимое количество земли в частной собственности, и все, что нужно для ведения собственного хозяйства. В этом смысле они могут рассматриваться в качестве фермеров. Именно они, как явствует из статистики, кормили и продолжают кормить страну, давая более половины всего сельскохозяйственного продукта. Права на эти земли сегодня закреплены за крестьянами не только по обычному праву, но и юридически. Во взаимоотношениях индивидуального землевладения с коллективным господствуют «неписанные законы», т. е. обычно-правовые нормы, возникшие в новом социально-экономическом контексте, при общем согласии

сторон. Пока крестьянин состоит в колхозе, ему, как рассуждал один деревенский житель: *«нужды нет иметь свои хлебные поля или клеверные луга. Все, что необходимо, я получу или “возьму” в колхозе, и зерно и комбикорма, и сено для скотины, да еще воспользуюсь колхозным трактором или машиной»*.

Иными словами, сельчане заинтересованы оставаться колхозниками. Сельскохозяйственное предприятие без них также не может существовать, и поэтому «начальники» вынуждены *«закрывать глаза на то, что колхозник берет в колхозе, что нужно, сколько нужно и когда нужно»*, как сказал бывший руководитель ОПХ в Гатчинском районе Ленинградской области. Интерес директоров также налицо. По словам многих колхозников, они открыто злоупотребляют своим положением, на что рядовые члены также закрывают глаза.

Исполняющий обязанности завгара одного из колхозов рассказывал, что ранее был простым трактористом. То время, с его слов, было самым благополучным и денежным за весь период его работы в колхозе из-за «левых» заработков. Находясь же на новой должности, он не только не имел таких возможностей, но и вообще не получал зарплату. Он рассказал нам о разговоре с главным механиком, который, сочувствуя коллеге, произнес: *«Вот выйдет завгар с больницы, тогда вернешься на трактор, а там и деньги появятся. Сам понимаешь, солярка, “леваки” и все такое»*. На «коллегу» эти слова произвели сильное впечатление: *«Я был просто ошарашен таким заявлением, которое было мне сделано официально, причем моим же начальником»*.

Если люди и хотят выйти из состава пайщиков, то причина этого — отсутствие возможности неофициальных заработков. При беседе с этими людьми, решившими стать фермерами, открывались мотивы их выхода. Если суммировать содержание бесед, то основной причиной было недовольство политикой начальников, препятствующих заработкам «на стороне», но не стеснявшихся удовлетворять собственный интерес, в общем, ведущих себя «не по-человечески».

Весенние и осенние периоды полевых работ выявляют следующие формы взаимодействия колхозов со своими членами. Весной широко используется колхозная техника для вспашки, боронения, посева картофеля на своих участках, а также на участках своих сельчан. «Халтура» позволяет колхозникам заработать суммы, на порядок отличающиеся от официальной зарплаты. Так, по нашим подсчетам, за весенний день тракторист на вспахивании зарабатывает около трех тысяч рублей, а его месячная заработная плата составляет семь тысяч.

Немалую прибыль члены хозяйств получают от продажи общественного продукта «на сторону» или от «воровства». Осенью в деревне Романовка Гатчинского района местный житель советовал приобрести тонну картошки: *«Желающие могут договориться с трактористом. За “смешную” цену у нас продают прицеп картошки. Позже капуста будет»*. Это же касается сена. Летом покосатели покоса сена в колхозах низкие, причина заключена в воровстве, с точки зрения закона. На самом деле это практики, глубоко укорененные в общеправовой культуре (Бочаров 2004). Они осознаются актерами легитимными, а если им препятствуют «начальники», то, как уже отмечалось, люди покидают

предприятие. В ходе полевого исследования мы с главным агрономом одного из предприятий в разгар уборки сена скрытно отслеживали маршруты движения грузовиков с прессованным сеном, следовавших с полей в хранилища. Причину конспирации объяснил агроном: *«Водители знают все машины, на которых ездит начальство. Если я еду за грузовиком на своем УАЗе, то машина приезжает в хранилище. Они знают все машины, на которых может ехать проверка. Если не вести учет машин, уходящих с поля, то водители сорвут всю уборочную. Разъедутся, и у них вдруг все машины разом где-то поломаются».*

Колхозники тоннами продают «ворованное» с полей сено, используя при этом те же колхозные машины. Парадоксально, но получается, что работники, являясь легитимными собственниками колхозных паев, воруют сами у себя. Представляется, что «парадокс» объясняется прежде всего тем, что изменения в отношениях собственности, происшедшие «на бумаге», не воспринимаются всеми участниками процесса.

Отрицательное отношение многих сельчан к частной собственности на землю, что видно из результатов социологических исследований, обуславливается боязнью утраты «преимуществ», гарантированных пребыванием в колхозе (Экономика... 1998: 931–938). В деревне Воскресенское Гатчинского района Ленинградской области пенсионер, проработавший в ОПХ «Суйда» много лет, так объяснил свою поддержку колхозов: *«Сегодня у нас пенсионеры и так ничего не получают от государства... Худо-бедно у меня остались знакомые в ОПХ, они мне и картошки и сена привезут [подмигивает собеседнику]. А что будет, если все хозяйство перейдет к частникам? Я от них ни картошки не получу. Все к рукам приберут. Да, эти частники только и заботятся только о своей выгоде».*

Если проблема колхозного землевладения актуальна в основном для сельских жителей, то садоводческие земли затрагивают интересы многих россиян. Земли при организации садоводств отводились местными органами власти садоводству как юридическому лицу в пользование. Фактически сегодня российские садоводы не имеют никаких формальных прав на занимаемые ими участки, т. к. пользователем всей земли садоводства является юридическое лицо (садоводческое некоммерческое товарищество). Земля в пределах садоводства под участки распределялась путем жребия, личных связей и т. д. Документом по разбивке территории являлся генеральный план. Однако за годы развития садоводств об этом документе даже не вспоминали. Фактически землепользование в садоводстве имело хаотический характер. Нам довелось наблюдать конфликт, связанный с землепользованием, в садоводстве «Компенсатор», массив «Красницы», Гатчинского района Ленинградской области.

Хозяйка одного из участков решила восстановить границы своего участка согласно требованиям СНиП (строительные нормы и правила) и генерального плана садоводства, чтобы оформить его в собственность. Участок, согласно этим документам, не имел ничего общего с реальными границами. Садоводство было не приватизировано. Проблема заключалась в том, что землеустроительные документы необходимо согласовать у председателя садоводства, который наотрез отказывался это сделать. Садоводы, предвидя проблемы и материальные затраты по должной организации садоводства, противодействовали при-

ватизации. Одна женщина сказала: *«Нам приватизация участков ни к чему. У нас маленькое садоводство, мы все друг друга знаем. Продавать участки никто не собирается. Все проблемы, которые у нас появляются, мы решаем вместе. Я вообще не представляю, как можно выделять из общественных земель свои земли. Что будет, если каждый отделится от садоводства? Сегодня эта [кивает в сторону конфликтной женщины] решит выйти, да еще и наделает столько гадостей для всех, завтра другие, что станет с садоводством? Нет. Лучше как была вся земля садоводческая, так пускай и остается».*

Государство как собственник земли

Легитимным собственником земли в обычно-правовой культуре русских является государство. Следующий тип земельной собственности, укорененный в русской обычно-правовой культуре, связан с государством как собственником земли. Этноисторические данные свидетельствуют о том, что, несмотря на перманентное игнорирование государственных законов в сфере регулирования земельной собственности, за государством признается верховный авторитет в решении земельных вопросов. Однако обратим внимание на то, что от государства ожидается деятельность по регулированию данных отношений на основе обычного права. Исследования, проведенные в начале XX столетия, отчетливо свидетельствуют об этом. В частности, крестьяне, утратившие свои земли по закону, ждали от власти, что она восстановит справедливость по обычному праву (Невская 1999: 151).

Множество аналогичных ситуаций, возникает и сегодня. Депутат Государственной думы Г. Райков в интервью газете «Сельская жизнь» рассказал: *«В одной деревне группа мошенников скупил за “Жигули” земельные паи. Обрадовались селяне подобной сделке, в каждом дворе появилась машина. А когда увидели, что коров пасты негде, очухались и заголосили. Новые хозяева теперь потребовали для выгона скота землю брать у них в аренду. Пришли бедолаги ко мне. Слава Богу, нашли юридические неточности и смогли признать сделку недействительной. Так вот, за железки могли лишиться земли кормилицы»* (Губанова 2001). Итак, селяне совершили сделку по продаже земли (формальную юридическую операцию). Операция обернулась для них ущербом. Они пришли к представителю государства, чтобы тот отменил решение, которое принималось ими же, заметим, добровольно и на полных юридических основаниях.

Примечательно, что и фермеры предпочитают видеть в государстве верховного распорядителя. Фермер Атракского района Саратовской области: *«Я не то, что государству, я себе не верю. Вдруг со мной что случится и — все, чем я семью буду кормить, с сумой попрошайничать? Земля пусть будет у государства, оно и отберет, если не справился, оно и даст, если покажешь, что пользу можешь дать»* (Кознова 2001: 681).

Как известно, после реформы 1861 г. государство официально перевело крестьянство под юрисдикцию обычного права. В то же время оно осуществляло надзор, например, во время земельных переделов, которые регулировались обычным правом, но в присутствии и под надзором государственных чиновников. Словом, долгое время государство и впрямь выступало в качестве контро-

лера за соблюдением обычного права. Многочисленные жалобы и челобитные указывают на частые злоупотребления чиновников, имевшие место при выполнении данных функций (Вдовина 1973: 43–44).

Во время наблюдения за кадастровыми работами нам также нередко приходилось слышать жалобы в адрес местных глав администраций или землеустроителей, что якобы те требуют денег для решения того или иного земельного вопроса. Особенно много претензий к местным властям было связано с проблемой «самозахватов». Случалось так, что к моменту прихода к «захватчикам» их представителей на территории уже были возведены капитальные постройки. Как правило, чиновникам выплачивалась «административная рента», после чего те закрывали глаза на факт «самозахвата». Одна из жительниц рассказала такую историю: *«Когда мой сын вознамерился жениться, то мы решили с мужем взять в администрации пустырь рядом с нашим участком для пристройки к дому. Дом раньше стоял стеной вдоль этого пустыря. Место было никому не нужным. Муж пошел в администрацию, где глава сказала ему: “Если надо строиться, то бери”. Никаких разрешений или бумажек мы не спрашивали, да и нам ничего не говорили, что нужно чего-то делать. А теперь получается, что пристройка к дому у нас незаконная. Мне вообще непонятно, почему это так, если все было сделано с разрешения главы администрации».*

Видно, как люди безоговорочно доверяют чиновникам, распоряжающимся землей. Они, как видно из примера, не требуют документов, определяющих права на занимаемый участок, что в принципе свидетельствует о весьма невысоком статусе писаного права в социуме, где жизнь протекает по неписанным законам, — и, наоборот, о высоком статусе государства (чиновника) в данной культуре.

В то же время обмануть государство не считается зазорным, если оно нарушает обычное право, наказывая за захват пустующих земель. Фермер, оштрафованный за присвоение дополнительной площади, говорит: *«За восемь лет я в первый раз был оштрафован. Я оплатил сто рублей в Сберкассу, а за все прошедшее время я и не упомяну, сколько сена здесь накопил. Так зачем мне покупать землю в собственность? За сто рублей раз в восемь лет я всеми руками за государственную собственность».*

Деревенские жители, видя, что в полевой геодезической бригаде нет представителей администрации, нередко предлагали рабочим деньги за то, чтобы те не фиксировали превышения площадей либо прибавили к их реальным наделам те или иные земли. Один житель деревни Погост Гатчинского района Ленинградской области предложил такое основание «приобретения» земли: *«Вы, ребята, от нашей власти здесь работаете, так и фиксируйте то, что сама власть мне и давала. У меня из документов только технический паспорт на дом, а на участок никаких документов нет. Мне старый землеустроитель здесь участок еще деревянным аршином отводил, значит, и новая администрация землю даст».*

Иные же были агрессивно настроены против властей, видя в новых межеваниях повод для начисления дополнительных налогов. Опасались и того, что у них отнимут «лишнюю» землю. Представители старшего поколения вспоминали времена, когда в целях подавления частного сектора вводились непомер-

но большие налоги. Но, несмотря на недовольство теми или иными действиями со стороны государства, само это право никогда не оспаривалось.

Один сельчанин, когда выяснилось, что он незаконно пользуется землей для покоса, заявил: «Мне-то чего? Зачем мне как-то оформлять или получать разрешение, чтобы просто покосить сено, там, где никто ничего не делает. Земля вся эта государственная, а государству все равно, что у тебя за документы. Захочет — отберет любую бумажку и землю вместе с ней. Тут никаким документом не застрахуешься. Я просто кошу себе там, где хочу, и никто мне ничего не говорит».

Разбирая ситуации самозахватов, приходилось фиксировать, как сельчане мотивировали действия: «А кому эта земля нужна, все равно она государственная и никому не нужна». Иными словами, государственная земля приравнивается к «ничейной» земле, с чем согласились практически все респонденты. Словом, «божья земля» в атеистическом советском сознании обрела облик «государственной земли», что до сих пор определяет и соответствующие представления о собственности на нее в рамках обычно-правовой культуры.

В целом исследование показало, что в ментальности современного российского крестьянства воспроизводятся обычно-правовые представления, связанные с собственностью на землю. Некоторые из них фиксировались русскими этнографами еще до революции, другие сформировались в советское время. Мы убедились, что данные представления порой успешно конкурируют с положениями о земельной собственности, прописанными в принятом в 2001 г. Земельном кодексе РФ. Они, таким образом, формируют слой «неписаных законов» («теневого права»), которые во многом реально регулируют данный вид общественных отношений (Бочаров 2013).

Литература и источники

- Антипов А.* Решение спора о межах // Живая старина, 1906, 1.
- Арцибашев А.* Не празднуют на деревне новоселий // Сельская жизнь, 2002, 35.
- Безнин М. А.* Землепользование крестьянского двора в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. // История СССР, 1990, 3.
- Бочаров В.В.* Обычное право собственности и «криминальное государство» в России // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, 7(4), с. 173–199.
- Бочаров В.В.* Власть и время в культуре общества // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. СПб.: СПбГУ, 2006.
- Бочаров В.В.* Неписанный закон. Антропология права. СПб.: АИК, 2013.
- Бочаров В.В., Рябикин А.И.* Обычное право собственности в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005, 8(1), с. 149–170.
- Бочаров В.В., Рябикин А.И.* Типология представлений о земельной собственности в обычном праве русских. История и современность (по материалам полевых исследований) // Бочаров В.В. Антропология права (статьи, исследования). СПб.: СПбГУ, 2013.
- Вдовина Л.Н.* Земельные переделы в крестьянской общине в 20–50 гг. XVIII в. // История СССР, 1973, 4.
- Государственная дума. Стенограмма заседаний от 15 июня 2001. Бюллетень № 101; Бюллетень № 113. Ч. 1.

Губанова Р. Свой человек в коридорах власти // *Сельская жизнь*, 2001, 1.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884.

Кознова И. Е. Крестьянские представления о земельной собственности: история и современность // *Собственность в XX столетии. К 80-летию академика В. А. Виноградова*. М., 2001.

Невская Т. А. Обычно-правовое сознание и традиционное землепользование славянского крестьянства Северного Кавказа // *Человек и право*. М., 1999.

Павлова Т. Как председатель у крестьянина землю украл // *Сельская жизнь*, 2002, 92.

Революция права, 1928, 4.

Соколов Г. Судья земля // *Записки географического общества по отделению этнографии* Т. 8. СПб., 1887.

Шустиков А. А. Взгляды крестьян Кандиковского уезда на земельную собственность // *Живая старина*, 1907, 1.

Шустиков А. А. На мирском переделе земли (Очерк из северно-русской жизни) // *Живая старина*, 1906, 1.

Чарушин А. А. Имущественные отношения в крестьянской семье // *Известия Архангельского общества изучения русского севера*, 1916, 10.

Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1998.